

Последствия цифровизации гражданского оборота: от трансформации права к ситуационному регулированию

Аннотация. Опираясь на теоретико-методологические основы цивилистики, автор анализирует проблемы и последствия цифровой трансформации гражданского оборота. Сделан вывод, что при расширении и углублении технологической модернизации трансформация отношений в цифровой среде, неизбежно сопровождаемая пробельностью их законодательного урегулирования, объективно запускает процесс ослабления определенности гражданско-правового воздействия на отношения в цифровой среде, что означает смену парадигм в системе представлений о направленности метода гражданского права. Обоснован вывод, что перспективы развития частноправового регулирования в условиях цифровизации — в новых формах регламентации, в том числе с помощью «мягкого» права. В силу специфики цифрового пространства и постоянного развития информационных технологий есть основания полагать, что одной из прогнозируемых и устойчивых тенденций в частноправовом регулировании отношений в цифровой среде может стать переход от нормативного правового регулирования (от абсолютно определенных норм к нормам относительно определенным, то есть от общего и абстрактного через ситуационное (каузальное) регулирование к частному и конкретному в праве) к неправовому регулированию — к «мягкому» праву и различным формам саморегулирования.

Ключевые слова: цифровизация; гражданский оборот; цифровой объект; цифровое правоотношение; цифровая форма сделки; цифровые права; цифровая среда; частноправовое регулирование; ситуационные нормы; ситуационное регулирование; нормы «мягкого» права; трансформация права

Для цитирования: Василевская Л. Ю. Последствия цифровизации гражданского оборота: от трансформации права к ситуационному регулированию // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 6. — С. 44–51. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.187.6.044-051

© Василевская Л. Ю., 2026

* Василевская Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ljvasilevskaja@msal.ru

The Consequences of the Digitalization of Civil Transactions: From the Transformation of Law to Situational Regulation

Lyudmila Yu. Vasilevskaya, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ljvasilevskaja@msal.ru

Abstract. Drawing upon the theoretical and methodological foundations of civil law scholarship, the author analyzes the challenges and consequences of the digital transformation of civil transactions. The article concludes that as technological modernization expands and deepens, the transformation of relations within the digital environment—inevitably accompanied by gaps in their legislative regulation—objectively triggers a process of diminishing certainty in civil law’s regulatory impact on digital relations. This development signals a paradigmatic shift in prevailing conceptions regarding the orientation and method of civil law regulation. The author substantiates the conclusion that the future of private law regulation under conditions of digitalization lies in the emergence of new forms of governance, including the increasing use of “soft law” instruments. Given the specific features of the digital environment and the continuous evolution of information technologies, there are grounds to anticipate that one of the stable trends in the regulation of digital private-law relations will be a transition from formal statutory regulation—moving from absolutely determinate norms to relatively determinate ones, that is, from general and abstract rules through situational (causal) regulation toward individualized and concrete legal solutions—to non-binding regulatory mechanisms, including soft law and various forms of self-regulation.

Keywords: digitalization; civil turnover; digital object; digital legal relationship; digital form of transaction; digital rights; digital environment; private law regulation; situational norms; situational regulation; norms of «soft» law; transformation of law

Cite as: Vasilevskaya LYu. The Consequences of the Digitalization of Civil Transactions: From the Transformation of Law to Situational Regulation. *Aktual’nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(6):44-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.187.6.044-051

Ускорение процессов цифровизации и развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) привели к кардинальным преобразованиям во всех сферах жизнедеятельности человека, что неминуемо отразилось и на гражданском обороте. Среди многообразия новых цифровых объектов, созданных с помощью технологий ИИ, законодатель включил только два цифровых объекта — цифровой рубль и цифровые права — в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Иные цифровые объекты (токен, криптовалюта, онлайн-платформы, информационные системы, ИИ, технологии ИИ, большие данные и др.), по сути, остались объектами имущественного оборота, не урегулированного нормами гражданского права, что создало на практике определенный хаос и дисбаланс в регулировании отношений с данными объектами и породило неприемлемое для континентального права, в том числе и для российского правопорядка, смешение различ-

ных гражданско-правовых режимов вещных, обязательственных, корпоративных и интеллектуальных прав.

Цифровизация породила масштабирование негативных последствий трансформации частноправового регулирования отношений в цифровой среде, что неизбежно привело к необходимости решения в цивилистике ряда фундаментальных вопросов, связанных прежде всего с двумя взаимообусловленными тенденциями развития гражданского оборота. *Первая тенденция* выражается в постоянном репродуцировании новых цифровых объектов и их тиражировании (мультиплицировании) на различных материальных носителях. Непрерывное вовлечение в имущественный оборот новых цифровых объектов без их должной правовой регламентации сопровождается расширением серых зон в цифровой среде, что объективно обуславливает изменение состояния самого частного права как законодательного средства

и юридического инструмента урегулирования определенных отношений в цифровой среде. *Вторая тенденция* проявляется в изменении самой сферы частноправового регулирования: в ее пределах не только модифицируются сложившиеся общественные отношения, но и возникают новые по своей природе цифровые отношения как результат перехода субъектов имущественного оборота на электронное взаимодействие, заменяющее их непосредственное, живое общение различными вариациями цифровой связи¹.

Всесторонняя технологическая модернизация, которой подвержены общественные отношения, не всегда связана с появлением новых цифровых продуктов. В одних случаях изменяется лишь форма взаимодействия, в других деформируется в том числе и содержание². При изменении формы взаимодействия речь идет не о простом интернет-взаимодействии участников оборота, а об осуществлении ими трансакций, сделок в специально созданной информационной системе, предполагающей цифровое кодирование передаваемой информации, объективация которой происходит в цифровой форме. Возникает вопрос: можно ли отождествлять цифровую форму сделки с электронной, поскольку IT-специалисты рассматривают понятия «электронный» и «цифровой» как синонимы? С правовой точки зрения вряд ли их можно отождествлять, поскольку электронная форма, как известно, отнесена к разновидности простой письменной формы (п. 2 ст. 434 ГК РФ) и для совершения сделки в электронной форме лицу необходимы, как известно, не только интернет-связь, но и выданный удостоверяющим центром сертификат

ключа проверки электронной подписи (ст. 13, 14 Федерального закона № 63-ФЗ³), в то время как цифровая форма сделки (как особый цифровой способ выражения и закрепления воли субъектов) возможна лишь при наличии специально созданной информационной системы, в которой взаимодействие сторон осуществляется в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ). Правил, регламентирующих данную форму сделки, законодателем не установлено, хотя очевидно, что вряд ли ее можно квалифицировать как разновидность простой письменной формы сделки. Если исполнение обязательства по совершенной сделке в электронной форме происходит в реальной действительности, то исполнение обязательства по договору, заключенному в информационной системе, как правило, в ней и осуществляется.

Вместе с тем взаимодействие субъектов в цифровой среде может воплощаться не только в заключении договоров, но и в трансформации самого содержания возникшего в цифровой среде правоотношения. В данном случае речь идет уже об осуществлении цифрового права как обязательного элемента цифрового правоотношения. При определении цифрового права (как нового вида субъективных гражданских прав), данного в ст. 141.1 ГК РФ и в п. 2 ст. 1 Федерального закона о цифровых финансовых активах⁴, как известно, законодателем не было предусмотрено его уникальных видообразующих характеристик, отличающих цифровое право от известных субъективных гражданских прав. В отсутствие законодательных предписаний о видовых характеристиках цифровых

¹ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. С. 10–11.

² См.: Вавилин Е. В., Вавилин В. Е. Судебная доктрина в области цифровизации гражданского оборота: трансформация права // Вестник гражданского процесса. 2025. № 5. С. 36–57.

³ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

прав многие авторы стали подвергать сомнению квалификацию цифрового права в качестве нового субъективного гражданского права⁵, а учитывая постоянную эволюцию цифровых технологий, практически не имеет смысла, как отметил Е. В. Вавилин, стремиться к академически устойчивому определению этого понятия и иных категорий, раскрывающих суть новых цифровых явлений и объектов. Поэтому в праве необходимо оперировать, по мнению автора, так называемыми мягкими определениями цифровых явлений, позволяющими фиксировать их функциональные характеристики и не стремящимися к закрытому перечислительному списку качеств, предполагая трансформацию определений синхронно с развитием технологий⁶.

Под влиянием перманентной цифровизации развиваются два разнонаправленных процесса. С одной стороны, *сфера частноправового регулирования становится мультисодержательной* — в ее пределах модифицируются не только сложившиеся гражданские правоотношения между субъектами и возникают новые по своей природе цифровые отношения, но и кардинально изменяется структура объектно-субъектных отношений в цифровой среде. С другой стороны, при расширении и углублении технологической модернизации трансформация отношений в цифровой среде, неизбежно сопровождаемая пробельностью в их законодательном урегулировании, *объективно запускает процесс ослабления определенности гражданско-правового воздействия на отношения в цифровой среде, что, по сути, означает смену парадигм в системе представлений о направленности метода гражданского права*.

Известно, что эффективность гражданско-правового регулирования во многом зависит

от полноты и определенности правовых норм, поскольку составляющие ядро предмета гражданского права эквивалентно-возмездные имущественные отношения юридически равных и автономных субъектов требуют стабильности в статике и заранее обозначенной правовой предсказуемости в динамике⁷. Сфера гражданско-правового регулирования в реальной (физической) действительности, по существу, неизменно оставалась вне действия «мягкого» права и оказывалась, как правило, за пределами ситуационного (каузального) регулирования. В доцифровой период (до развертывания процессов цифровизации гражданского оборота) речь могла идти об определенной, ярко выраженной направленности метода гражданского права — правового воздействия, основанного преимущественно на применении абсолютно определенных норм, но по основному, доминирующему способу оформления норм метод гражданского права всегда характеризовался преобладающей диспозитивностью.

Удвоение сферы частноправового воздействия, необходимость регулирования отношений не только в реальной действительности, но и в объективированной субъективной реальности — в цифровой среде, созданной с помощью компьютерных технологий и машинного языка, потребовали пересмотра основных догматических представлений о методе гражданского права. Это связано с тем, что правила регулирования отношений в объективной (физической) реальности, где объектом регулирования чаще всего выступают телесные и осязаемые вещи, невозможно механистически перенести в цифровую среду, на бестелесные (цифровые) объекты, поскольку это противоречит установленному в российском правовом порядке разграничению различных гражданско-правовых режимов объектов гражданских прав. Осущест-

⁵ См.: Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29; Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовое регулирование «цифровых прав» // Проблемы современного гражданского права : сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2021. С. 230–241.

⁶ См.: Вавилин Е. В. NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режимы // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 62–64.

⁷ См.: Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Введение в гражданское право. М. : Статут, 2016. С. 18–19.

вление цифровых прав и распоряжение ими не может происходить по установленным в ГК РФ для традиционных субъективных гражданских прав правилам, взаимодействие субъектов и совершение сделок в цифровой среде происходит по определенным правилам информационных систем (ст. 141.1 ГК РФ).

В этих изменившихся условиях при отсутствии достаточно ясных и четких законодательных предписаний регулирование отношений участников гражданского оборота в цифровой среде стало происходить, как правило, с помощью относительно определенных норм (см., например, ст. 141.1 ГК РФ; ст. 2, 4, 14 Федерального закона о цифровых финансовых активах; ст. 5, 7, 9 Федерального закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ⁸). Это означает, что метод гражданского права, основанный прежде всего на применении абсолютно определенных норм, объективно меняет свою направленность в сторону ситуационности в регулировании цифровых имущественных отношений. Речь идет о ситуационных нормах права, на которые в последние годы обращают внимание многие цивилисты⁹. Содержание ситуационных норм по-разному раскрывается в доктрине.

Так, С. С. Алексеев по характеру связи с индивидуальным регулированием различал абсолютно определенные нормы (не предусматривающие возможности конкретизированного индивидуального регулирования общественных отношений) и относительно определенные нормы (предоставляющие право

правоприменительным органам решить дело с учетом конкретных обстоятельств), которые разделяются на альтернативные, факультативные и ситуационные. Последние, по мнению автора, не содержат конкретного варианта, а указывают на общую характеристику правовой ситуации либо ее отдельных элементов, оставляя ее конкретизацию на усмотрение суда¹⁰.

По мнению В. А. Микрюкова, ситуационные нормы, содержащие оценочные правовые категории (особенно центральную в регулировании экономических отношений категорию добросовестности), вызывают наибольшие практические сложности, связанные с их применением¹¹. М. Ф. Лукьяненко придерживается иной позиции, отмечая, что квалификация норм с оценочными понятиями в качестве ситуационных не в полной мере соответствует их сущности¹². А. Т. Боннер, проводя различие между ситуационными и оценочными нормами, писал: «Если в процессе применения ситуационных норм основное внимание уделяется конкретной ситуации, то при реализации оценочных недостаточно установить фактические обстоятельства дела, но нужно дать им юридическую оценку с точки зрения целей, преследуемых законодателем в конкретном случае»¹³.

Несмотря на различие подходов авторов к трактовке ситуационных норм, отметим, что гражданское право по своей сущности частного права не может содержать и никогда не содержало исчерпывающего набора формально описанных в законе правил поведения на все возможные случаи существования и развития

⁸ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

⁹ См.: Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. 2019. № 8. С. 37–50; Аракелян А. А. Оценочные понятия гражданского права: исторический опыт становления и использования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 111–117.

¹⁰ См.: Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М. : Юридическая литература, 1982. С. 73, 74.

¹¹ Микрюков В. А. Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений. М. : Статут, 2026. С. 44–45.

¹² См.: Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, ответственность. М. : Статут, 2010. § 1.2 гл. 1.

¹³ Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М. : Юридическая литература, 1980. С. 45.

имущественного оборота¹⁴. Любое оценочное понятие в норме права, включая добросовестность, не может иметь строго установленных законодательных критериев, а следовательно, функция принципа добросовестности в развитии правопорядка видится в известном смягчении возможного формализма действия абстрактных предписаний закона в конкретных ситуациях, то есть «в выполнении роли своего рода амортизатора правоприменения, но не прямого регулятора поведения участников гражданского оборота (выделено нами. — Л. В.)»¹⁵.

Таким образом, относительную определенность норм как средство выражения неопределенности в гражданском праве нельзя оценивать только как негативное явление, как дефект законодательной техники. В условиях цифровой трансформации включение в гражданское законодательство ситуационных норм, норм с оценочными понятиями следует воспринимать как особый юридико-технический прием, направленный на повышение адаптивности и эластичности правовой регламентации отношений в цифровой среде, когда пользователи информационных систем в условиях законодательного допущения действовать самостоятельно и инициативно по своему усмотрению решают проблему каузальной адаптации общего абстрактного правила к цифровому объекту регулирования в информационной системе, выступая тем самым субъектами устранения неопределенности ситуационной нормы, нормы с оценочными понятиями.

Нормативная неопределенность в цифровой среде решается участниками гражданского оборота и с помощью «мягкого» права в виде различных квазиправовых инструментов — набора определенных правил поведения и рекомендаций в цифровой среде, которые не являются юридически обязательными и фор-

мально определенными, не устанавливаются (не санкционируются) государством и не состоят из структурно упорядоченных, синхронизированных элементов (гипотезы, диспозиции и санкции). Нормы «мягкого» права не отвечают формально-юридическим критериям, характерным для классических норм права, но в условиях непрерывного развития инновационных технологий в силу объективных причин за пределами нормативного правового регулирования появляются новые отношения в цифровой среде, единственным способом урегулирования которых чаще всего является применение норм «мягкого» права. Использование «мягкого» права в цифровой среде возникает в силу необходимости и потребности создания гибкой правовой основы, способной адаптироваться к быстрому развитию инновационных технологий и цифровизации во всех сферах жизнедеятельности. Поэтому неслучайно, что и на законодательном уровне создание и установление, например, правил информационных систем делегировано частным лицам — правообладателям и операторам информационных систем, различных цифровых платформ (ст. 141.1 ГК РФ, ст. 7 Федерального закона о цифровых финансовых активах). Так, правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, утверждаются, как правило, советом директоров в ООО или АО. Эти правила как акты локального характера не исходят от органов государственной власти и не содержат общеобязательных для всех субъектов права предписаний (правовых норм). Они предусмотрены только для пользователей информационной системы, ее оператора и эмитента. Или возьмем другой пример. Разработка клинических рекомендаций для оказания медицинской помощи в цифровой среде осуществляется медицинскими профессиональными некоммерческими организациями по отдель-

¹⁴ См.: Суханов Е. А. Интервью: Я бы категорически возражал против попыток полностью отказаться от принципа добросовестности в гражданском праве // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 29.

¹⁵ Суханов Е. А. Интервью. С. 29.

¹⁶ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

ным заболеваниям (п. 3 ст. 37 Федерального закона об основах охраны здоровья граждан¹⁶). Не являясь нормативными актами, клинические рекомендации как рекомендательные документы отражают взгляды специалистов, основаны на тщательном анализе научных данных, имеют практическую направленность и выступают ориентиром для врача при оказании медицинской помощи в конкретных ситуациях¹⁷.

Таким образом, перспективы развития частноправового регулирования в условиях цифровизации — в новых формах регламентации, в том числе и с помощью «мягкого» права, а не только в адаптации цифровых технологий к

существующей правовой среде. В силу специфики цифрового пространства и постоянного развития информационных технологий есть основания полагать, что одной из прогнозируемых и устойчивых тенденций в частноправовом регулировании отношений в цифровой среде может стать переход от нормативного правового регулирования (от абсолютно определенных норм к нормам относительно определенным, то есть от общего и абстрактного через ситуационное (каузальное) регулирование к частному и конкретному в праве) к неправовому регулированию — «мягкому» праву¹⁸ и различным формам саморегулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. — М. : Юридическая литература, 1982. — 360 с.
2. Аракелян А. А. Оценочные понятия гражданского права: исторический опыт становления и использования // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 2. — С. 111–117.
3. Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. — М. : Юридическая литература, 1980. — 416 с.
4. Вавилин Е. В. NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режимы // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 1. — С. 62–78.
5. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2024. — № 53. — С. 110–121.
6. Вавилин Е. В., Бабаков В. А. Гражданско-правовая защита интересов государства в реалиях цифровой трансформации общественных отношений : монография. — М. : Статут, 2025. — 426 с.
7. Вавилин Е. В., Вавилин В. Е. Судебная доктрина в области цифровизации гражданского оборота: трансформация права // Вестник гражданского процесса. — 2025. — № 5. — С. 36–57.
8. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2021. — 288 с.
9. Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. — 2019. — № 8. — С. 37–50.
10. Микрюков В. А. Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений. — М. : Статут, 2026. — 606 с.
11. Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Введение в гражданское право. — М. : Статут, 2016. — 128 с.

¹⁷ См.: письмо Минздрава России от 21.01.2025 № 17-1/3003770-2772 «О применении клинических рекомендаций» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

¹⁸ См.: Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 110–121 ; Вавилин Е. В., Бабаков В. А. Гражданско-правовая защита интересов государства в реалиях цифровой трансформации общественных отношений : монография. М. : Статут, 2025. С. 25.

12. Суханов Е. А. Интервью: я бы категорически возражал против попыток полностью отказаться от принципа добросовестности в гражданском праве // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2024. — № 1. — С. 10–29.
13. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — № 6. — С. 7–29.
14. Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовое регулирование «цифровых прав» // Проблемы современного гражданского права : сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2021. — С. 230–241.

Материал поступил в редакцию 16 мая 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 2. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. — 360 s.
2. Arakelyan A. A. Otsenochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: istoricheskiy opyt stanovleniya i ispolzovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 2. — S. 111–117.
3. Bonner A. T. Primenenie normativnykh aktov v grazhdanskom protsesse. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1980. — 416 s.
4. Vavilin E. V. NFT-tokeny: grazhdansko-pravovoy i protsessualnyy rezhimy // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — № 1. — S. 62–78.
5. Vavilin E. V. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav v usloviyakh tsifrovoy transformatsii otnosheniy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2024. — № 53. — S. 110–121.
6. Vavilin E. V., Babakov V. A. Grazhdansko-pravovaya zashchita interesov gosudarstva v realiyakh tsifrovoy transformatsii obshchestvennykh otnosheniy: monografiya. — M.: Statut, 2025. — 426 s.
7. Vavilin E. V., Vavilin V. E. Sudebnaya doktrina v oblasti tsifrovizatsii grazhdanskogo oborota: transformatsiya prava // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2025. — № 5. — S. 36–57.
8. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya (tsivilisticheskoe issledovanie): monografiya: v 5 t. T. 1 / отв. ред. L. Yu. Vasilevskaya. — M.: Prospekt, 2021. — 288 s.
9. Golubtsov V. G. Otsenochnye ponyatiya v rossiyskikh kodifikatsiyakh grazhdanskogo prava // Lex russica. — 2019. — № 8. — S. 37–50.
10. Mikryukov V. A. Kategoriya analogii v sisteme regulirovaniya chastnopravovykh otnosheniy. — M.: Statut, 2026. — 606 s.
11. Mikryukov V. A., Mikryukova G. A. Vvedenie v grazhdanskoe pravo. — M.: Statut, 2016. — 128 s.
12. Sukhanov E. A. Intervyu: ya by kategoricheski vozrazhal protiv popytok polnostyu otkazatsya ot printsipa dobrosovestnosti v grazhdanskom prave // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. — 2024. — № 1. — S. 10–29.
13. Sukhanov E. A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2021. — № 6. — S. 7–29.
14. Sherstobitov A. E. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie «tsifrovyykh prav» // Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava: sbornik statey pamyati V. S. Ema (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya) / отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2021. — С. 230–241.